

DOI: 10.15393/j9.art.2020.6762

УДК 821.161.1.09“18”

И. А. Киселева*Московский государственный областной университет**(Москва, Российская Федерация)*

79099227849@yandex.ru

«Пророк» (1826) А. С. Пушкина и «Пророк» (1841) М. Ю. Лермонтова: сравнительная семантика мотивного комплекса*

Аннотация. В статье раскрываются авторские акцентуации интертекстуального мотива пророческого служения, уточняется исторический генезис пушкинского и лермонтовского текстов, ставится проблема литературной преемственности от Пушкина к Лермонтову, сравниваются особенности художественного мышления поэтов и особенности создания художественного образа. В сопоставлении черновых и беловых вариантов стихотворений определяется общий для Пушкина и Лермонтова семантический спектр пророческого мотива, изучение творческой произведения транслируется как методология его понимания. Особое внимание уделяется открыто заявленному в черновике пушкинского «Пророка» эсхатологическому мотиву, который в беловике уходит в подтекст, оставаясь при этом первостепенно значимым в аспекте этиологии произведения и его сближения со стихотворением Лермонтова «Пророк». Выявляются особенности поэтики Пушкина и Лермонтова. Если Пушкин фокусирует внимание на едином действии, связанном с центральным мотивом преобразования человека в пророка и развивающемся в одной, хотя и равной вселенной, пространственной точке, то лермонтовский текст являет в себе многособытийность — несение пророческого слова людям, отвержение порочным сообществом, уход в пустыню, гармоническое пребывание на лоне природы. Отмечается, что при зримой разнице в поэтике текстов, общими устойчивыми изоморфными пророческому мотиву мотивами остаются эсхатологический мотив, мотив преобразования, мотив несения слова Божьего, мотив райского бытия.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, поэт, пророческое служение, понимание текста, творческая рецепция, смысловая перспектива, эсхатологический мотив, изоморфные мотивы, преобразование

Об авторе: Киселева Ирина Александровна — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русской классической литературы, Московский государственный областной университет (ул. Фридриха Энгельса, д. 21, стр. 3, г. Москва, Российская Федерация, 105005)

Дата поступления: 28.06.2019

Дата публикации: 28.02.2020

Для цитирования: Киселева И. А. «Пророк» (1826) А. С. Пушкина и «Пророк» (1841) М. Ю. Лермонтова: сравнительная семантика мотивного комплекса // Проблемы исторической поэтики. — 2020. — Т. 18. — № 1. — С. 111–129. DOI: 10.15393/j9.art.2020.6762

Общим местом сопоставительных исследований стихотворений А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова стало рассмотрение «Пророка» Лермонтова как развития темы пушкинского «Пророка». Это сопоставление чаще всего преподносится в различительном аспекте. Подобное толкование содержится и в комментариях к академическому собранию сочинений Лермонтова 1954–1957 гг.: «Если Пушкин ставит вопрос об огромном общественном значении поэта и поэзии, то Лермонтов говорит уже о печальной судьбе поэта-гражданина, осмелившегося выступить с критикой общественных порядков»¹. О. В. Миллер в «Лермонтовской энциклопедии» пишет, что развитие пророческой темы Лермонтов «подчеркнуто начинает именно с того момента, на котором остановился его предшественник» [Миллер: 449] — получение пророческого дара. Ту же мысль развивает Е. О. Сычева, разбирая лермонтовского «Пророка» в контексте религиозного диалога поэта с В. Ф. Одоевским, подарившим ему записную книжку, в которую тот записал свои последние стихотворения, — «пушкинский поэт-пророк отправляется в путь, чтобы “глаголом жечь сердца людей”, лермонтовский — этот путь уже прошел» [Сычева: 210].

Другой мотив, открыто представленный в образной системе пушкинского и лермонтовского «Пророков», связан с прикосновением лирического героя к миру природы, но он дан разновекторно: если пушкинскому пророку открывается дар внимать сотворенному миру в его полноте, то пророку лермонтовскому внимает сама природа — «тварь покорна», «звезды слушают».

Зачастую исследователи объясняют разное развитие пророческой темы Пушкиным и Лермонтовым отличием их мироощущений. Так Н. М. Мешков, сопоставляя двух «Пророков», пишет: «В отличие от Пушкина, способного примирить мир реальный с миром, преображенным им, лермонтовские миры всегда находятся в конфликте» [Мешков: 281]. Нельзя не согласиться с Э. Эгебергом, который полагает, что «в сознании Лермонтова идея и чувства личности, противостоящие действительности, приобрели большее значение и проявились с большей интенсивностью, чем у Пушкина» [Эгеберг: 169].

Это противостояние действительности связано с желанием ее преображения, отсюда и вытекает трагизм лермонтовского «Пророка» — из невозможности осуществления своей пророческой миссии.

Вопрос о необходимости диалога поэта с обществом ставил в своем исследовании японский лермонтовед А. Ямадзи. По его мысли, именно «неприятие окружающими является источником страдания» для Лермонтова [Ямадзи: 144], тогда как для Пушкина этот вопрос так остро не стоит. А. Ямадзи делает вывод: «Если для Пушкина характерна абсолютизация силы слова и, как следствие, обособленное положение Поэта “над толпой”, то Лермонтов сетует на безразличие масс к слову, его больше интересует влияние, которое Поэт в состоянии оказать на читателя» [Ямадзи: 144]. Гражданственные мотивы, безусловно, звучат у Лермонтова более обнаженно, чем в пушкинских произведениях, который в своей работе над текстом стремится к наибольшей степени обобщения. Так, например, в «Памятнике» (1836) стихи «Во след Радищеву восславил я свободу» Пушкин заменяет на стихи «Что в мой жестокий век восславил я Свободу»². В беловой рукописи поэтически выраженная мысль Пушкина освобождается от излишней конкретности и приобретает универсальность.

О близости мироощущений размышляла О. П. Евчук, отмечая, что оба поэта приходят «к предельной абсолютизации идеи спасения человека, влекущегося к согласию с Богом и духовному бессмертию» [Евчук: 402], мотив неприятия толпой слов поэта-пророка находил выражение не только у Лермонтова, но и в художественном мире Пушкина. Ю. М. Никишов, анализируя пушкинского «Пророка», писал о том, что Лермонтов, зная трагическую судьбу Пушкина, именно ее и изобразил в своем «Пророке»: «...личная судьба Лермонтова здесь не противопоставлена пушкинской, а уравнена с нею» [Никишов: 59].

Пушкинский лирический герой, предвосхищая лермонтовского пророка, также удаляется в безлюдные пространства, и встреча с сотворенным Богом природным миром означает для него встречу с собой:

«Бежит он, дикий и суровый,
И звуков и смятенья полн,
На берега пустынных волн,
В широкошумные дубровы...» (Пушкин, 3: 65).

Особое развитие пророческой темы от Пушкина к Лермонтову отмечал Г. В. Москвин, подчеркивая, наряду с самостоятельностью, дополнительность «Пророка» Лермонтова по отношению к «Пророку» пушкинскому. Исследователь пишет, что в их текстах «были провозглашены весть о провиденциальном назначении поэта (Пушкин) и предупреждение о разобщении людей (Лермонтов)» [Москвин: 244]. Он справедливо указывает особую грань осмысления пророческого дара Лермонтовым и ставит вопрос о соответствии поэта-пророка своему призванию, которое состоит не только в проповеди, но и в простой жизни во внимании к Источнику всего мира: «Удаление от недолжной деятельности, уединение в пустыне как возвращение к Истоку, умаление перед людьми — таковы этапы озарения человека духом пророчества» [Москвин: 244]. Категория умаления здесь особенно значима: у Пушкина она проявляется в смиренном заявлении о ничтожестве поэта до того, как его коснется глас Божий (стихотворение «Поэт» (1827): «И средь детей ничтожных мира, // Быть может, всех ничтожней он» — Пушкин, 3: 65), а у Лермонтова в словах уничижения по отношению к пророку от власть имущих («и худ, и бледен», «наг и беден», «презирают все его»); уничижительный модус сквозит и в «торопливо<м>» пути (в черновике «потаенном» пути, что еще более усиливало уничижительный модус) лермонтовского пророка «чрез шумный град», и в его страдающем жесте отчаяния донести «любви и правды чистые ученья» — «посыпал пеплом я главу» (Лермонтов, 2: 212). Пушкинский пророк обращен к миру как творению Божию («и внял я неба содроганье»), лермонтовский, — находя контакт с миром как с Божьим твореньем («И звезды слушают меня // Лучами радостно играя»), — обличает людей («В очах людей читаю я // Страницы злобы и порока»). В лермонтовском черновике вместо выражения «в очах» стоит выражение «в глазах»³, менее отвечающее высокому стилю стихотворения, но вскрывающее

суетность и обычность тех, кого оно характеризует; эта обычность состоит в восприятии греха как нормы жизни.

Черновик помогает вскрыть оттенки значения слова, уточнить смысл произведения. Если сравнивать стилистические пласты лермонтовского беловика и черновика, то можно отметить изменения: выражение «в глазах» сменяется на выражение «в очах», слово «близкие» в 7-м стихе заменяется на слово «ближние», в пятой строфе высокое «старцы» приходит на смену стилистически нейтральному «отцы»⁴. Вероятно, что стилистическая работа поэта связана с желанием наполнить текст аллюзиями на Священное Писание, заставить читателя подсознательно искать аналогии в библейском тексте, и одним из библейских источников лермонтовского «Пророка» можно назвать Откровение Иоанна Богослова. Если же говорить о реминисценциях, то здесь явно прослеживается отсылка к апокалипсическому стиху: «И Ангелу Смирнской церкви напиши: так говорит Первый и Последний, Который был мертв, и се, жив: знаю твои дела, и скорбь, и нищету (впрочем, ты богат), и злословие от тех, которые говорят о себе, что они Иудеи, а они не таковы, но сборище сатанинское» (Откр. 2:8–9). «Из городов бежал я нищий», — так определяет свое состояние лермонтовский пророк, который претерпевает злословие людское:

«Смотрите ж, дети, на него:
Как он угрюм и худ и бледен!
Смотрите, как он наг и беден,
Как презирают все его!» (Лермонтов, 2: 213).

Апокалиптические мотивы скрыто присутствуют и в «Пророке» Пушкина, но они уже недостаточно очевидны в окончательном тексте, который был впервые опубликован в № 3 «Московского Вестника» за 1828 г.⁵, тогда как автограф пушкинского «Пророка» до нас не дошел. О раздумьях поэта над стихами «Пророка» объективно говорит лишь составленный в 1827 г. Пушкиным указатель предназначенных для издания стихотворений⁶. В нем сохранился черновой вариант первого стиха, он звучит так: «Великой скорбью томим...». Образ «великой скорби» соотносим с апокалиптическими главами Нового Завета — «Ибо тогда будет великая скорбь, какой не

было от начала мира доныне, и не будет» (Мф. 24:21, Мк. 13:19), с эсхатологическими пророчествами Ветхого Завета: «И сказал Он: пойди и скажи этому народу: слухом услышите — и не уразумеете, и очами смотреть будете — и не увидите. Ибо огрубело сердце народа сего, и ушами с трудом слышат, и очи свои сомкнули, да не узрят очами, и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтобы Я исцелил их» (Ис. 6:9–10). Образ «великой скорби» в сознании Пушкина был явно связан с Апокалипсисом, на что указывает его позднее стихотворение «Странник» (1835), впервые опубликованное В. А. Жуковским под названием «Отрывок» в 1841 г. в первом собрании сочинений Пушкина:

«Однажды странствуя среди долины дикой,
Незапно был объят я скорбью великой»⁷.

Связь «Пророка» и «Странника» отмечает В. Э. Вацуро [Вацуро: 10]. В. С. Непомнящий пишет, что лирический герой пушкинского «Пророка» только «становится пророком, герой же “Странника” — уже пророк» [Непомнящий: 362]. Говоря о духовной преемственности Лермонтова по отношению к Пушкину, важно отметить и то, что Лермонтов, вряд ли знакомый с черновиком пушкинского «Пророка», начинает своего «Пророка» именно с обозначения Бога как Судии: «С тех пор как вечный Судия // Мне дал всеведение пророка» (*Лермонтов*, 2: 212); и с констатации своего «провидческ<ого> потенциал<а>» [Киселева, Поташова, Сеченых: 265]. Влияние пушкинского чернового текста могло быть опосредованным, через другой текст: возможно, что именно знакомство в 1841 г. Лермонтова с «Отрывком» («Странником») Пушкина побудило его к созданию стихотворения «Пророк».

Отодвигая эсхатологический мотив на задний план, и отдавая безапелляционное центральное место мотиву преображения, Пушкин вносит жизнеутверждающие ноты в текст «Пророка»: пророческое слово представляется действенным, заключительные стихи — «Глаголом жги сердца людей» — приобретают в большей степени возможность осуществления результата: донести «глас Божий» людям. Измененное словосочетание в беловике уточняется вариантом в черновике,

обращение к которому позволяет яснее понять авторский замысел. Заменяя словосочетание «великой скорбию» другим — «духовной жаждою», Пушкин показывает нам тесную связь между духовными переживаниями человека и трепетным чувством предстояния перед судом Божиим — и то, и другое в своей полноте проявится именно в последний день земного мира.

Традиционно источником пушкинского «Пророка» считают Книгу пророка Исайи: «Тогда прилетел ко мне один из Серафимов, и в руке у него горящий уголь, который он взял клещами с жертвенника, и коснулся уст моих и сказал: вот, это коснулось уст твоих, и беззаконие твое удалено от тебя, и грех твой очищен» (Ис. 6:6–7). Т. Г. Мальчукова обратила внимание на то, что Пушкин выстраивает ситуацию «по образцу многочисленных евангельских рассказов о чудесных исцелениях Христа, которые он совершал касанием руки» (Мф. 8:2–3; 8:15; 9:25) [Мальчукова: 173]. Исследовательница отметила, что поэт преобразует ветхозаветную ситуацию встречи пророка Исайи с шестикрылым Серафимом в соответствии с новозаветной традицией и «рассказ о преображении пророка соотнесен у Пушкина с обновлением, очищением христианина в таинстве причащения и через него с крестным путем, смертью и воскресением Христа» [Мальчукова: 173]. Г. В. Косяков эту же параллель видит в лермонтовском тексте, говоря о том, что «судьба лермонтовского пророка созвучна земным страданиям Христа» [Косяков: 138]. С образом Христа, не имеющего первородного греха, сближает лермонтовского пророка и его внутреннее «райское» расположение, которое раскрывается через общение с совершенным природным миром, хранящим «завет Предвечного» (*Лермонтов*, 2: 212). Лермонтов в этом тексте так же, как и в стихотворении «Когда волнуется желтеющая нива...» (1837), «открывает читателю чистый источник жизни и вдохновения — преображенную одухотворенную природу» [Киселева, 2019: 97].

Это «райское» состояние свойственно некоторым святым и описано в их житиях (например, в знакомом Лермонтову Житии преподобного Сергия Радонежского (общеизвестен факт паломничества Лермонтова в Троице-Сергиеву Лавру). Рассказывая о пустынножительстве святого, Епифаний Премудрый

делает вывод о причине того, почему преподобный Сергей оставался невредим «от зверей и от гадов»: «...в каком человеке живет Бог и почивает Дух Святой, то все ему покорно, как и сначала первозданному Адаму, до преступления Заповеди Божией...» [Епифаний Премудрый: 40].

В лермонтовском «Пророке» Г. В. Косяков усматривает и прием «саморазвенчания» [Косяков: 140]: «Старцы проповедуют детям, представляя пророка в качестве ложного пути, перенося на него собственный грех гордыни. Они объясняют уход из мира пророка его неспособностью мириться с людскими слабостями» [Косяков: 139], — тогда пророк посыпает свою голову пеплом, каясь и сожалея о невозможности их спасения. В этом стихотворении, по верному замечанию С. М. Телегиной, опирающейся на размышления В. В. Розанова [Розанов], «смирненное незлобие пророка, с которым он принимает унижение и поношение, избирая для общения с горним миром уединенное пустынножительство, являет победу “чистых учений любви и правды” над злом и враждой, обращающих скорбь в радость» [Телегина: 133]. Мысль о райском элементе в стихотворении проводит и В. Н. Ильин: «Эту радость, вышедшую из великой печали, торжество обретенного ангельского лика завещал роду человеческому Лермонтов» [Ильин: 5].

Радость открытия мира в его полноте является следствием духовной жажды пушкинского лирического героя: «Пророк» пронизан жизнеутверждающим пафосом, мучительное преображение преподносится как однозначное благо, связанное с полной реализацией личности. Пушкинский пророк внимает небу, долу, морским глубинам как идеальному миру, в котором нет места злу и несовершенству.

В «Пророке» Лермонтова нет образа непосредственного преображения человека, его лирический герой, «постигающий онтологические основы мира» [Киселева, 2017: 68], предстает перед читателем уже наделенным даром «всеведения», полученного от «вечн<ого> Суд<ии>», эпитетом к Которому в первом варианте являлось прилагательное «высший»⁸. Замена характеристики Бога происходит и в 4-й строфе стихотворения: «завет Всевышнего храня»⁹ поэт меняет на «завет Предвечного

храня»¹⁰. 4-я строфа, в которой Лермонтовым употребляется слово «Предвечного», была написана поэтом, наряду с 5-й и 6-й строфами, позже 1-й, 2-й, 3-й, 7-й строфами, остро заточенным карандашом; на месте появившихся позднее строф в черновике, написанном карандашом, стоит прочерк и многоточие¹¹. И в черновике, и в беловике Лермонтов не соблюдает необходимость прописной буквы в словах, именующих Творца мира, как, впрочем, непоследовательно он употребляет прописную букву и в начале стихов; она почти всегда присутствует лишь при начале новой мысли — нового предложения. Поэт не различает на письме прописные и строчные буквы, если рукописи не планируются для печати и ограничены личным употреблением. «Записная книжка, подаренная В. Ф. Одоевским», в которой содержатся черновик и беловик стихотворения «Пророк», не предназначалась для печати. Исправления рукою Лермонтова в «Записной книжке, подаренной В. Ф. Одоевским» можно наблюдать как в написанных карандашом черновиках, так и в написанных чернилами беловиках. Графическое начертание начальных букв регулируется правилами орфографии и смыслом публикуемого текста: в данном случае целостный текст стихотворения Лермонтова «Пророк» подразумевает употребление прописных букв в начале существительного *Судия*, а также субстантивированного прилагательного *Предвечного*, обозначающих Создателя Вселенной.

Записанные ранее 4-й строфы 1-я, 2-я, 3-я, 7-я строфы не имеют других исправлений, кроме изменения «высший» на «вечный», и, вероятнее всего, это исправление привнесено в черновик после создания 4-й, 5-й и 6-й строф, отмеченных значительной правкой. В начале 4-й строфы Лермонтов «сходу» пишет слово «Предвечного», потом исправляет его на слово «Всевышнего», а в беловике он вновь возвращается к слову «Предвечного», оставляя характеристику Бога как источника мира теперь уже при обоих Его упоминаниях.

Каковы же причины, побудившие поэта выбрать обозначенное в беловике свойство Творца? Вероятно, что те же, что и у Пушкина, который устраняет образ «велик<ой> скорб<и>» из начала стихотворения, чтобы отказаться от эсхатологических

аллюзий; Лермонтов, не снимая апокалипсический пафос, тем не менее приглушает его. Если образ «высш<его> Суд<ии>», как и Высшего Суда, связан с окончательным решением, которое не подлежит обжалованию, то эпитет «вечный» и субстантивированное прилагательное «Предвечного» смещают акценты в образе Судии, Который есть «Альфа и Омега, начало и конец», Который «есть и был и грядет, Вседержитель» (Откр. 1:8). Бог-Судия предстает в беловом тексте как Источник жизни вселенной. Таким образом, наряду с апокалипсическими мотивами, в стихотворении, а особенно ярко в 4-й строфе, начинает ясно звучать мотив рая — мира как совершенства:

«Завет Предвечного храня,
Мне тварь покорна там земная;
И звезды слушают меня,
Лучами радостно играя» (Лермонтов, 2: 212).

Творческая работа Лермонтова над характеристикой Творца мира показывает, что поэт, не устраняя основного эсхатологического пафоса стихотворения, вводит в него как равновеликую величину мотив райского мира, который занимает в беловике место в одной смысловой плоскости с эсхатологическим мотивом. Как верно отмечает К. А. Поташова, «лермонтовский странник стремится к вечности и часто обретает ее именно в гармонии природы» [Поташова, 2015: 136], и тем явственнее в этом стихотворении звучит контраст совершенного тварного мира по отношению к порочному обществу. Контрастны, но парадоксально едины представители образа социума, — «старцы» и «дети», которые при возрастной полярности сущностно могли бы быть объединены по своей восприимчивости к «чист<ому> учен<ью>» «любви и правды». «Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 18:3), — говорит Христос, имея в виду чистоту и непорочность детских помыслов; образ же старцев традиционно ассоциируется с мудростью, праведным наставничеством, обретенной чистотой сердца. Однако объединение «старц<ев>» и «дет<ей>» обусловлено в стихотворении не их непорочностью и мудростью, а их нежеланием внимать словам пророка:

«Когда же через шумный град
Я пробираюсь торопливо,
То старцы детям говорят
С улыбкою самолюбивой:
“Смотрите: вот пример для вас!
Он горд был, не ужился с нами:
Глупец, хотел уверить нас,
Что Бог гласит его устами!”» (Лермонтов, 2: 212–213).

Лермонтов продолжает Пушкина, но в своем творческом осмыслении пророческого пути он показывает (и принимает на себя тяжесть этого духовного груза) невозможность действенной проповеди «чист<ого> учен<ья>» в падшем мире, стоящем у порога Высшего Суда. Пушкинскому пророку открывается мир в его полноте и необходимость предназначения нести слово Божие. Лермонтов смиряется с трагическим отторжением себя социумом и со своим одиночеством, изолированностью от людского сообщества ради верности своему внутреннему знанию — «всеведен<ью> пророка».

Представленный Лермонтовым мотив неприятия слова Божьего звучит в библейских текстах довольно настойчиво: в Книге пророка Иеремии, в Книге пророка Исайи, евангельском рассказе об Иоанне Крестителе, проповедь которого сравнивается с «гласом вопиющего в пустыне» (см.: Лк. 1:5–23; Мф. 3:1–12; Мк. 1:1–8). Выражение «глас вопиющего в пустыне», связанное в христианском сознании прежде всего с Евангелием, восходит к наполненной предсказаниями о пришествии Христа Книге пророка Исайи: «Глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте в степи стези Богу нашему; всякий дол да наполнится, и всякая гора и холм да понизятся, кривизны выпрямятся и неровные пути сделаются гладкими; и явится слава Господня, и узрит всякая плоть [спасение Божие]; ибо уста Господни изрекли это» (Ис. 40:3–5). Также было не раз отмечено сходство лермонтовского пророка с ветхозаветным пророком Иеремией [Ходанен: 142]. В Новом Завете его имя упоминается в сравнении с Христом, которого принимали «одни за Иоанна Крестителя, другие за Илию, а иные за Иеремию, или за одного из пророков» (Мф. 16:14); судьба пророка в гонениях от иудеев

прообразовательна по отношению к пути Христа. Трагедия народа в библейском тексте состоит в том, что он не слышит гласа Божьего. Трагическим пафосом наполнен и лермонтовский «Пророк»: он чувствует невозможность приобщить людей к Истине и боль за их неспособность внимать Слову, — но эта трагедийность смягчается возможностью его личного райского пребывания наедине с природой и Богом.

К поэту-пророку у Лермонтова тянутся все оси тварного мира: и тварь земная, и звезды небесные, — он предстает венцом творенья. У Пушкина тема совершенной тварной природы решается несколько в ином ключе: не природа внимает ему, а он внимает природе, становится способен к восприятию ее многообразия:

«Перстами легкими как сон
Моих зениц коснулся он.
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он, —
И их наполнил шум и звон...» (Пушкин, 3₁: 30).

Поэту в состоянии вдохновения открывается мир в его полноте и красоте, и он воспринимается поэтом во всей его пространственной распахнутости, его взору, как и в поэзии Г. Р. Державина, «открыта вселенная» (см. подробнее: [Поташова, 2019: 205]) — «и горних ангелов полет», и «гад морских подводный ход», «и дольней лозы прозябанье» (Пушкин, 3₁: 30). Восприняв в себя эту полноту Божьего мира и получив «угль, пылающий огнем» вместо «сердц<а> трепетн<ого>», поэт оказывается готов к призыву: «Глаголом жги сердца людей!» (Пушкин, 3₁: 30). Результат этого призыва остается неизвестным и находит свое продолжение в «Пророке» Лермонтова. Мотив отвержения толпой, изоморфный мотиву пророческого служения в его историко-культурной традиции, запечатленной прежде всего в библейских текстах, у Пушкина не акцентируется — более того, на слышимом и зримом уровне его в пушкинском «Пророке» нет, но он неизменно присутствует в подсознании автора и читателя. При напряженном развертывании сюжета в пушкинском «Пророке», по сравнению с «Пророком» Лермонтова, явно выражено единство действия,

места и времени, тогда как в лермонтовском тексте присутствуют соединенные, но разные по времени и месту картины, топосы текста разноплановы. Перед нами и память о получении дара «всеведень<я> пророка», и развернутые действия толпы, которая к тому же обладает голосом и эмоциями («И старцы детям говорят // С улыбкою самолюбивой» — *Лермонтов*, 2: 213), и картина одухотворенного общения поэта с природой. Все они уподобляются клеймам на иконе, окружающим центральное изображение, которое являет собой эсхатологический мотив. За кадром будто бы у Лермонтова остается лишь сам мотив преображения, разворачиванию которого у Пушкина посвящен весь текст. Но лермонтовский текст воспринимается именно на фоне пушкинского: поэт акцентирует эту преемственность уже повтором названия, тем самым и мотив преображения в тексте присутствует. И в этой отсылке к чужому тексту, который воспринимается как часть духовной вселенной Лермонтова, состоит особенность поэтического воздействия его текста.

«Значение художника, — замечал Т. С. Элиот, — его оценка устанавливаются, если выяснить, как созданное им соотносится с творениями ушедших художников и поэтов» [Элиот: 158–159], а творения художника более полно раскрывают свой смысл через сравнение с иными произведениями, то есть в аспекте исторической поэтики. Если у Пушкина в процессе работы над текстом эсхатологический мотив уходит на задний план, отдавая безапелляционное центральное место мотиву преображения, то у Лермонтова он остается ведущим, смягчаясь мотивами богообщения и уподобления райскому образу человека в общении с природой. Лермонтовский «Пророк» не только является продолжением или, в некоторой степени, контрастом по отношению к «Пророку» пушкинскому, но и опытом понимания, и опытом интерпретации, и опытом разворачивания неочевидных, однако вполне реальных смыслов пушкинского текста. В стихотворении «Пророк» Пушкин отказывается от явного звучания эсхатологического мотива и акцентирует внимание на тоске человека по Слову Божьему, через внимание к которому возможно его духовное преображение и получение способности воспринимать мир как

совершенное творение Бога. Однако эсхатологический мотив не перестает от этого быть изоморфным по отношению к пророческому мотиву, он составляет своеобразный фон стихотворения, который способствует более объемному восприятию мотива преображения и самого мотива пророческого служения. Эту объемность и глубину звучания в восприятии читателя пушкинский текст приобретает во многом благодаря тексту лермонтовскому, ставшему так же, как и «Пророк» Пушкина, знаковым фактом русской культуры.

Примечания

- *Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-012-00122 «Текстологическое исследование и комментирование автографов М. Ю. Лермонтова из “Записной книжки В. Ф. Одоевского”».
- ¹ Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 6 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 2. Стихотворения, 1832–1841. С. 364. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием слова *Лермонтов* и указанием тома и страницы в круглых скобках.
 - ² Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 3. Кн. 1: Стихотворения, 1826–1836. Сказки, 1948. С. 424. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием слова *Пушкин* и указанием тома, книги (нижний индекс) и страницы в круглых скобках.
 - ³ Записная книжка, подаренная В. Ф. Одоевским // ОР РНБ. Ф. 429. № 12. Л. 2 об. с конца тетради.
 - ⁴ Там же. Л. 2 об. — 3 с конца тетради.
 - ⁵ Пушкин А. С. Пророк // Московский Вестник. 1828. № 3. С. 269–270.
 - ⁶ Пушкин А. С. [Список стихотворений 1827 г. для издания I и II частей «Стихотворений А. Пушкина», 1829 г.] // Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. М.; Л.: Academia, 1935. С. 238.
 - ⁷ Пушкин А. С. Отрывок: («Однажды странствуя среди долины дикой...») // Пушкин А. С. Сочинения Александра Пушкина: в 11 т. СПб.: В тип. Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1841. Т. 9. С. 183–186.
 - ⁸ Записная книжка, подаренная В. Ф. Одоевским // ОР РНБ. Ф. 429. № 12. Л. 2 об. с конца тетради.
 - ⁹ Там же. Л. 3 с конца тетради.
 - ¹⁰ Там же. Л. 13 об. с начала тетради.
 - ¹¹ Там же. Л. 2 об. — 3 с конца тетради.

Список литературы

1. Вацуро В. Э. Пророк // Вацуро В. Э. Записки комментатора. — СПб.: Академический проект, 1994. — С. 7–16.
2. Евчук О. П. «Пророк» // М. Ю. Лермонтов. Энциклопедический словарь / гл. ред. и сост. И. А. Киселева. — М.: Индрик, 2014. — С. 402.
3. Епифаний Премудрый. Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия, игумена Радонежского чудотворца и похвальное ему слово, написанные учеником его Епифанием Премудрым: пер. со слав. при Св.-Троиц. Сергиевой лавре. — [Сергиев Посад]: Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1903. — 128 с.
4. Ильин В. Н. Грусть // Новое Слово (Берлин). — 1941. — 3 августа. — № 32 (361). — С. 5.
5. Киселева И. А. Творчество М. Ю. Лермонтова как религиозно-философская система. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: ИИУ МГОУ, 2017. — 178 с.
6. Киселева И. А. О смысловой цельности дефинитивного текста поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон» (1839) // Проблемы исторической поэтики. — 2019. — Т. 17. — № 4. — С. 91–106 [Электронный ресурс]. — URL: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1571057107.pdf (20.05.2019). DOI: 10.15393/j9.art.2019.6422
7. Киселева И. А., Поташова К. А., Сеченых Е. А. Творческая история стихотворения М. Ю. Лермонтова «Спор» (1841) в культурно-историческом контексте // Научный диалог. — 2019. — № 10. — С. 264–279. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-10-264-279
8. Косяков Г. В. Христианские метафоры в лирике М. Ю. Лермонтова // Славянские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции: в 2 ч. / отв. ред. Т. П. Рогожникова. — Омск: ОмГУ, 2015. — С. 131–140.
9. Мальчукова Т. Г. Лирика Пушкина 1820-х годов в отношении к церковно-славянской традиции (к интерпретации стихотворений «Воспоминание» и «Пророк» в контексте христианской культуры) // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. — Вып. 5. — С. 151–177 [Электронный ресурс]. — URL: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2481> (20.05.2019). DOI: 10.15393/j9.art.1998.2481
10. Мешков М. Н. Три «Пророка»: эгоцентрические элементы языка как средство выражения авторского восприятия действительности в стихотворных текстах А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова и Н. А. Некрасова // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2010. — № 4 (84). — С. 277–282.
11. Миллер О. В. «Пророк» // Лермонтовская энциклопедия. — М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 1999. — С. 449–450.
12. Москвин Г. В. Пророк: таинство преображения и жажда истока (пророческая тема в поэзии А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2016. — № 2. — С. 240–245.
13. Непомнящий В. С. Поэзия и судьба. Статьи и заметки о Пушкине. — М.: Советский писатель, 1983. — 367 с.

14. Никишов Ю. М. Тяжкая миссия пророков. «Пророк»: стихотворения А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. — 2014. — № 1. — С. 53–59.
15. Поташова К. А. Цветовая визуализация художественного образа как особенность творческого метода Г. Р. Державина // Научный диалог. — 2019. — № 11. — С. 199–214. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-11-199-214.
16. Поташова К. А. Образ «пылающего Везувия» в художественном мире А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, К. П. Брюллова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2015. — № 6 (48). — Ч. II. — С. 133–137.
17. Розанов В. В. «Демон» Лермонтова и его древние родичи // Розанов В. В. Собрание сочинений. О писательстве и писателях / под общ. ред. А. Н. Николюкина. — М.: Республика, 1995. — С. 95–104.
18. Сычева Е. О. Религиозный спор в одоевском цикле М. Ю. Лермонтова // Славянская письменность и культура как фактор единения народов России. Материалы III всероссийской научно-практической конференции. — 2015. — С. 209–213.
19. Телегина С. М. Личность и творчество М. Ю. Лермонтова в литературно-критическом наследии В. В. Розанова // Христианское чтение. — 2015. — № 4. — С. 121–185.
20. Ходанен Л. А. Миф в творчестве русских романтиков. — Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2000. — 320 с.
21. Эгеберг Э. Пророк у Пушкина и Лермонтова // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2001. — Вып. 6. — С. 163–170 [Электронный ресурс]. — URL: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2621> (20.05.2019). DOI: 10.15393/j9.art.2001.2621
22. Элиот Т. С. Назначение поэзии. — М.: ЗАО «Совершенство», 1997. — 352 с.
23. Ямадзи А. Стихотворения «Пророк» А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова // Болдинские чтения 2018. — 2018. — С. 140–145.

Irina A. Kiseleva

Moscow State Regional University

(Moscow, Russian Federation)

79099227849@yandex.ru

“The Prophet” by A. S. Pushkin (1826) and “The Prophet” by M. Yu. Lermontov (1841): A Comparative Semantics of the Motifs

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR according to the research project no. 19-012-00122.

Abstract. The article reconstructs the creative history of the same name poems by A. S. Pushkin and M. Yu. Lermontov. M. Yu. Lermontov’s poem “Prophet” (1841) is considered as dialogical in relation to Pushkin’s “Prophet” (1826). By comparing draft and final versions of the poems, the semantic spectrum of the prophetic motif, common both to Pushkin and to Lermontov, is determined. The study of the creative work is used as an approach for understanding it. A special attention is paid to an eschatological motif openly stated in the draft of “The Prophet” by Pushkin, going into subtext in the clean copy, but remaining paramount in the aspect of the work’s etiology and its rapprochement with Lermontov’s poem “The Prophet”. The features of Pushkin’s and Lermontov’s poetics are revealed. Pushkin emphasizes a single action associated with the idea of transforming a person into a prophet and developing in a single spatial point equal to the universe. Lermontov’s text is multi-event, that is bearing the prophetic word to people, the rejection by a vicious community, going to the desert, a harmonious stay in nature. It is noted that with a visible difference in the poetics of texts, the common stable and isomorphic to the prophetic motif remain the eschatological motif, the motif of transformation, the motif of carrying the word of God, the motif of paradisaic being.

Keywords: A. S. Pushkin, M. Yu. Lermontov, poet-prophet, earthly world, creative history of the work, eschatological motifs

About the author: *Kiseleva Irina A.* — Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian Classical Literature, Moscow State Regional University (ul. Fridrikha Engel’ska 21/3, Moscow, 105005, Russian Federation)

Received: June 28, 2019

Date of publication: February 28, 2020

For citation: Kiseleva I. A. “The Prophet” by A. S. Pushkin (1826) and “The Prophet” by M. Yu. Lermontov (1841): A Comparative Semantics of the Motifs. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2020, vol. 18, no. 1, pp. 111–129. DOI: 10.15393/j9.art.2020.6762 (In Russ.)

References

1. Vatsuro V. E. Prophet. In: *Vatsuro V. E. Zapiski kommentatora* [Vatsuro V. E. Commentator's Notes]. St. Petersburg, Akademicheskiiy proekt Publ., 1994, pp. 7–16. (In Russ.)
2. Evchuk O. P. "Prophet". In: *M. Yu. Lermontov. Entsiklopedicheskiy slovar'* [M. Yu. Lermontov. Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Indrik Publ., 2014, p. 402. (In Russ.)
3. Epifaniy Premudryy. *Zhitie prepodobnogo i bogonosnogo ottsa nashego Sergiya, igumena Radonezhskogo chudotvortsia i pokhval'noe emu slovo, napisannye uchenikom ego Epifaniem Premudrym: perevod so slavyanskogo pri Svyato-Troitskoy Sergievoy lavre* [Epiphanius the Wise. The Life of Our Monk and God-bearing Father Sergius, Abbot of the Radonezh Miracle Worker and a Word Commendable to Him Written by His Disciple Epiphanius the Wise: Translation from Slavic at Holy Trinity Sergius Lavra]. Sergiyev Posad, The Trinity Lavra of St. Sergius Publ., 1903. 128 p. (In Russ.)
4. Il'yin V. N. Sadness. In: *Novoe Slovo* [Neues Wort]. Berlin, 1941, 3 August, no. 32 (361), p. 5. (In Russ.)
5. Kiseleva I. A. *Tvorchestvo M. Yu. Lermontova kak religiozno-filosofskaya sistema* [The Works of M. Yu. Lermontov as a Religious-Philosophical System]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2017. 178 p. (In Russ.)
6. Kiseleva I. A. On the Semantic Integrity of the Definitive Text of the Poem "Demon" by M. Yu. Lermontov (1839). In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2019, vol. 17, no. 4, pp. 91–106. Available at: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1571057107.pdf (accessed on May 20, 2019). DOI: 10.15393/j9.art.2019.6422 (In Russ.)
7. Kiseleva I. A., Potashova K. A., Sechenykh E. A. A Creative History of M. Yu. Lermontov's Poem "The Dispute" (1841) in Cultural and Historical Context. In: *Nauchnyy dialog*, 2019, no. 10, pp. 264–279. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-10-264-279 (In Russ.)
8. Kosyakov G. V. Christian Metaphors in the Lyrics of M. Yu. Lermontov. In: *Slavyanskije chteniya: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii: v 2 chastyakh* [Slavic Readings: Materials of the All-Russian Research and Practice Conference: in 2 Parts], 2015, pp. 131–140. (In Russ.)
9. Mal'chukova T. G. Pushkin's Lyric (1820) Towards Church Slavonic Tradition. (And Interpretation of Poem Memory and Prophet in Context of Christian Culture). In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1998, issue 5, pp. 151–177. Available at: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2481> (accessed on May 20, 2019). DOI: 10.15393/j9.art.1998.2481 (In Russ.)
10. Meshkov M. N. Three "Prophets": Egocentric Elements of the Language as a Means of Expressing the Author's Perception of Reality in the Poetic Texts by A. S. Pushkin, M. Yu. Lermontov and N. A. Nekrasov. In: *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Tambov University Review. Series Humanities], 2010, no. 4 (84), pp. 277–282. (In Russ.)

11. Miller O. V. “The Prophet”. In: *Lermontovskaya entsiklopediya* [*Lermontov's Encyclopedia*]. Moscow, The Great Russian Encyclopedia Publ., 1999, pp. 449–450. (In Russ.)
12. Moskvina G. V. The Prophet: Mystery of Transformation and Thirst of Origin (Prophetic Theme in Pushkin's and Lermontov's Poetry). In: *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [*Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*], 2016, no. 2, pp. 240–245. (In Russ.)
13. Nepomnyashchii V. S. *Poeziya i sud'ba: Stat'i i zametki o Pushkine* [*Poetry and Fate. Articles and Notes About Pushkin*]. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1983. 367 p. (In Russ.)
14. Nikishov Yu. M. Hard Mission of Prophets. Poems “Prophet” by A. Pushkin and M. Lermontov. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya* [*Herald of Tver State University. Series: Philology*], 2014, no. 1, pp. 53–59. (In Russ.)
15. Potashova K. A. Color Visualization of the Artistic Image as a Feature of G. R. Derzhavin's Artistic Method. In: *Nauchnyy dialog*, 2019, no. 11, pp. 199–214. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-11-199-214. (In Russ.)
16. Potashova K. A. The Image of “Burning Vesuvius” in the Artistic World of A. S. Pushkin, M. Yu. Lermontov, K. P. Bryullov. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [*Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*]. Tambov, Gramota Publ., 2015, no. 6 (48), part 2, pp. 133–137. (In Russ.)
17. Rozanov V. V. Lermontov's “Demon” and His Ancient Relatives. In: *Rozanov V. V. Sobranie sochineniy. O pisatel'stve i pisatelyakh* [*Rozanov V. V. Collected Works. About Writing and Writers*]. Moscow, Respublika Publ., 1995, pp. 95–104. (In Russ.)
18. Sycheva E. O. A Religious Dispute in the Odoevsky Cycle of M. Yu. Lermontov. In: *Slavyanskaya pis'mennost' i kul'tura kak faktor edineniya narodov Rossii. Materialy III vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [*Slavic Writing and Culture as a Factor in the Unity of the Peoples of Russia. Materials of the 3d All-Russian Research and Practice Conference*], 2015, pp. 209–213. (In Russ.)
19. Telegina S. M. The Role of the Life and Works of M. Lermontov in the Literary-Critical Heritage of V. Rozanov. In: *Khristianskoe chtenie*, 2015, no. 4, pp. 121–185. (In Russ.)
20. Khodanov L. A. *Mif v tvorchestve russkikh romantikov* [*A Myth in the Works of Russian Romantics*]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2000. 320 p. (In Russ.)
21. Egeberg E. Prophets in Alexander Pushkin's and Mikhail Lermontov's Poetry. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2001, issue 6, pp. 163–170. Available at: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2621> (accessed on May 20, 2019). DOI: 10.15393/j9.art.2001.2621 (In Russ.)
22. Eliot T. S. *Naznacheniye poezii* [*The Purpose of Poetry*]. Moscow, Sovershenstvo Publ., 1997. 352 p. (In Russ.)
23. Yamaji A. Poems “The Prophet” by A. S. Pushkin and M. Yu. Lermontov. In: *Boldinskie chteniya 2018* [*The Boldin Readings 2018*], 2018, pp. 140–145. (In Russ.)